

СВОБОДНЫЙ РЫНОК ДЕНЕГ И ФИНАНСОВ: УСЛОВИЕ И ИСТОЧНИК УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*Ярослав Романчук,
Заместитель председателя Объединенной гражданской партии, Белоруссия*

Доклад подготовлен для международной конференции «Либеральная программа для нового века: глобальный взгляд», организованной Институтом Катона (Cato Institute, США), Институтом экономического анализа (Россия) и Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей).

8-9 апреля 2004 г., Москва

Экономическое и социальное банкротство системы централизованного планирования застало ведущие экономические mainstream научные исследовательские центры и университеты врасплох. В конце 1980-х никто и не думал о том, чтобы теоретически обосновать и описать основанную на объективной экономической теории, адекватную имеющимся ресурсам, в том числе человеческим, качеству имеющихся в социалистических странах институтов парадигму системных трансформаций. Поспешной и лишь схематической была попытка описать программу перехода от плана к рынку в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса, который, на самом деле, был лишь консенсусом политиков и экономистов доминирующего экономического течения (mainstream). Неокейнсианский, неомарксистский синтез с вкраплениями неоклассических теорий, которые во многом основаны на агрегатных подходах к экономическому анализу, делают акцент на состоянии равновесия, на экономической политике широкого государственного интервенционизма был не адекватной теоретической базой для выработки парадигмы построения экономики свободного рынка в постсоциалистической среде.

Ошибочный выбор теории и методологии анализа, как главная причина высоких издержек системных реформ

Главное ошибкой было полное игнорирование основных выводов монетарной и общей теории австрийской школы экономики. Это значит, что из экономического анализа был исключен человек, проигнорированы все закономерности человеческой деятельности, описанные различными авторами в

рамках прагматологии. Выведя за скобки человека, который самостоятельно принимает решения, исходя из своего уникального ценностного и информационного поля, означало превратить экономику в своеобразные шахматы, которые логичны сами по себе, но к реальной жизни не имеют никакого отношения.

Полисимейеры и теоретики так называемой транзитологии проигнорировали фундаментальные проблемы централизованной плановой экономики и причины ее провала, четко описанные Л. фон Мизесом¹: 1) экономический расчет возможен только в частной рыночной экономике, 2) неразрешимой проблемой социализма является проблема убытков, а не распределения прибыли, 3) единственным надежным «мотором» экономического роста является предприниматель, который действует в системе, свободной от государственного интервенционизма в монетарной, фискальной, торговой и административной сферах.

Система национальных счетов, статистические императивы (ВВП, ИПЦ, агрегатный спрос и предложение и др.) при помощи международных финансовых институтов и организаций (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и т.д.) были предложены переходным странам для моделирования и точной настройки (fine tuning) бизнес циклов, в то время как система распределения ресурсов в централизованной плановой экономике не имела ничего общего с рыночной теорией бизнес циклов. Игнорирование природы бизнес циклов, четко описанной представителями австрийской школы экономики,² в первую очередь, их монетарной природы, попытки макроэкономического моделирования в обход

¹ L. von Mises Socialism

² Л. фон Мизес, М. Ротбард, И. Кирзнер и другие

концепции «радикального невежества» (radical ignorance) привели к чрезвычайно негативным последствиям для транзитивных стран.

Хронический дефицит бюджета, высокая инфляция и дефляция, олигополизированный банковско-финансовый сектор, растущий внешний и внутренний долг, кризис пенсионной системы, высокая безработица и закрытые от конкуренции так называемые естественные монополии – это далеко не полный перечень негативных экстерналий от государственного интервенционизма. Эти негативные явления являются результатом игнорирования сделанных чуть ли не век назад выводов экономической теории. Объективную науку подменили набором политэкономических теорем. Вместо методологического субъективизма и логического описания рыночного процесса политикам представили чрезвычайно сложные эконометрические модели, которые могли установить взаимосвязь между температурой воздуха и ростом ВВП, но не между уровнем государственного интервенционизма и желанием человека раскрывать свой творческий потенциал. И, что самое опасное, вместо полноценной теории денег, возвращения к выводам «Теории денег и кредита»³, дисижнмейкерам с их посткоммунистическим подходом к государственному управлению, предложили теорию «условных единиц».

Это выражение требует пояснения для людей, которые не имеют опыта проживания в странах бывшего Советского Союза. Тем более, что уместны некоторые аналогии с современными западными экономиками. В магазинах или на рынках в постсоциалистических странах нельзя было указывать цены в долларах США. Находчивые продавцы, защищаясь от конфискации части дохода через инфляцию, нашли выход и вместо USD указывали цены в «у. е.» -

³ L. von Mises «Theory of money and credit»

условных единицах. Но покупатели по умолчанию понимали, что речь идет о валюте, которая имеет долгую и вызывающую доверие историю – американском долларе. На самом деле, именно национальные валюты переходных стран, по праву должны были называться условными единицами, а американский доллар или немецкая марка выполняли как раз денег, которые были гораздо ближе к изначальному значению этого феномена.

Практически никто в переходных экономиках не понял, что и американский доллар, и евро, и британский фунт – это уже условные единицы, которые не имеют ничего общего с теми деньгами, которые изначально получили названия от мер весов. Отделив деньги от их сути, большинство mainstream экономистов совершили самую настоящую антиэкономическую революцию. В первой половине XX века ее возглавил лорд Кейнс, а во второй ненаучные выводы патрона распространил по всему миру его ученик П. Самуэльсон при поддержке сторонников эконометрики и development economics. В начале 1990-х переходным экономикам срочно нужна была замена К. Марксу в стремительно набирающих популярность экономических вузах. Различные версии переводных американских «Экономикс», в том числе переписанные и творчески переработанные новоиспеченными постсоветскими профессорами учебники по микро и макроэкономике стали на бюджетные деньги самым популярным субститутутом. Академический и университетский уровень, т. е. профессора, доктора и кандидаты экономических наук, чаще всего без знания иностранных языков, оказался во многом в положении студентов первого курса. Надо было самостоятельно критически переосмыслить «критику буржуазных экономических теорий» и отказаться не от деталей, а от основ политэкономии социализма и коммунизма. Переход на кейнсианские рельсы,

увлечение эконометрикой и математическим моделированием экономического развития при активном использовании инструментов монетарной и фискальной политики оказался естественным выбором подавляющего большинства экономистов марксистской школы. Их выбор, безусловно, был поддержан как экспертами МВФ, Всемирного банка сотоварищи, так и политиками, которым нравилась роль активных регулировщиков экономической системы, нейтрализаторов рецессий и так называемых негативных экстерналий свободного рынка, а также модельеров национальных систем устойчивого сбалансированного развития.

Если бы полисимейкеры сделали правильные выводы из теории денег и кредита австрийской школы

Л. фон Мизес в «Теории денег и кредита»⁴ писал, что «простое определение денег, как товара, чья экономическая функция состоит в облегчении обмена товаров и услуг, не удовлетворяет тех писателей, которые больше заинтересованы в аккумуляции материала, чем в увеличении знаний». В переходных экономиках дискуссии на предмет природы денег практически не велись. Чуть ли не по умолчанию были приняты либо кейнсианские подходы к монетарной политике, либо, в лучшем случае, монетаристские.

С точки зрения «австрийцев» «деньги – не абстрактная единица учета, существующая отдельно от конкретного товара. Они не являются бесполезными жетонами, пригодными только для обмена. Они – не некие «требования к обществу». Деньги – не гарантия фиксированного уровня цен.

⁴ L. von Mises «Theory of money and credit»

Это просто товар. Деньги отличаются от других товаров только тем, что они пользуются спросом главным образом как средство обмена. Но помимо этой особенности, они являются товаром»⁵.

Кейнсианцы, марксисты, а также монетаристы разошлись с австрийцами во взглядах на проблему ценности. Сторонники количественной теории денег пытались решить проблему измерения ценности математическим способом, но безуспешно. Они не могли «преодолеть трудности, вытекающие из факта, что предельная полезность уменьшается по мере увеличения предложения, и что единственное использование математики, в которую они «одевает» свою аргументацию, и которая становится все более популярной для изучения экономики, заключается в том, чтобы немного скрыть дефекты их умной, но искусственной конструкции».⁶ Расчеты предпринимателей основаны на оценке товаров в деньгах, что делает их инструментом для проведения экономических расчетов. «Если в этом смысле мы хотим придать деньгам функцию измерителя цен, нет оснований этого не делать. Тем не менее, лучше избегать использования термина, который легко может быть неправильно понят. Такое использование не может быть верным. Мы ведь не описываем определение географической широты и долготы «функции» звезд»⁷.

Говоря о стабильной финансовой системе и направленной на устойчивое развитие экономики монетарной политике Л. фон Мизес, как и другие неавстрийцы считают необходимым вернуться к одному из основных положений Валютной школы (Currency School) о 100-процентном резервировании выпускаемых обязательств (не только в отношении банкнот, но и депозитов до востребования). Реализация данной теории, по мнению Мизеса,

⁵ M. Rothbard Man, economy and state

⁶ L. von Mises «Theory of money and credit»

⁷ L. von Mises «Theory of money and credit»

должна проходить в мире свободных банков. Эти выводы в подавляющем большинстве своем не были известны дисижнмейкерам. Специалистам центральных банков гораздо понятнее и практичнее были выводы монетаристов и кейнсианцев. Как первые, так и вторые проигнорировали еще одно важнейшее открытие Л. Мизеса – его теорию бизнес циклов. Он показал, что инфляционный банковский кредит, который предполагает накачку денег в экономику путем снижения процентных ставок на кредиты для бизнесов ниже уровня рынка, уровня временного предпочтения, обязательно ведет к чрезмерным неправильным инвестициям (malinvestments) в средства производства.

Позже необходимость ликвидировать последствия данных «искажающих» инвестиций резко возрастает, так как появляются производства, структура занятости, которая не отражает реальные предпочтения потребителей на товары и услуги. При сокращении или прекращении кредитной экспансии последствия «искажающих» инвестиций становятся очевидными. Наступает рецессия, глубина которой зависит от интенсивности и продолжительности периода кредитно-денежной экспансии.

Бороться с рецессией в этой ситуации не только бессмысленно, но опасно и иррационально, потому что рецессия – это необходимый процесс ликвидации искажающих структуру производства, которая образовалась во время бума. Рецессия необходима для возврата к правильному соотношению потребление/инвестиции для наибольшего удовлетворения потребителя и обеспечения устойчивого развития страны. Таким образом, правительство не должно вмешиваться в процесс экономической системной коррекции, когда он происходит. Оно должно заниматься совершенно иными делами, о которых мы

скажем чуть ниже. Сегодня, в XXI веке эти выводы так же верны, как и в начале XX века. Инфляционная политика правительств разных стран, в том числе США, манипулирование процентной ставкой, стандартами резервирования, обменным курсом, ведение административно-правовых ограничений на рынке капиталов – все эти меры и действия создают основу для будущих рецессий и, что также вероятно, для очередной Великой Депрессии.

Распад Советского Союза и глубокий кризис социалистической плановой системы был объективным результатом грубых политических и экономических ошибок, следствием подмены добровольных решений инвесторов, предпринимателей и потребителей решениями руководителей коммунистической партии через различные органы типа Госплана и Госснаба. Если бы не интеллектуальная помощь капиталистического окружения социалистических стран в виде рыночной структуры цен и информации о реальных временных предпочтениях экономических субъектов система социализма развалилась бы гораздо быстрее. Поэтому экономическая рецессия во всех странах транзитивных странах – это был естественный процесс адаптации людей к реальной, а не кабинетной жизни, к рыночным ценам, а не фиксированным индикаторам. Чем активнее правительства проводили так называемую контрциклическую политику, тем больше они затрудняли процесс создания новой экономики. Контрпродуктивным для стран были попытки сохранить промышленное «фамильное серебро», восстановить былые хозяйственные связи (эта задача особенно часто ставилась в странах бывшего Советского Союза), адаптировать государственный банковский и финансовый сектор к рыночным условиям за счет бюджетных ресурсов и протекционистских мер.

Поскольку именно монетарная политика является фундаментально важным компонентом для природы бизнес циклов, поскольку важнейшей задачей реформаторов было устранение административных искажений рынков всех факторов капитала и выход на естественную структуру производства, то именно преобразования в данной сфере должны были быть приоритетными на первом этапе реформ. Но центральные банки стран ЦВЕ и СНГ по разным причинам (институциональная зависимость, отсутствие опыта, некритическая адаптация рекомендаций международных финансовых организаций и др.) лишь постепенно снижали инфляцию, либерализовали текущий, тем более капитальный счет. Они не спешили создавать конкурентную среду в банковском и финансовом секторах (приватизация банков, недискриминационный доступ иностранного капитала на внутренние финансовые рынки, принятие западных стандартов и т. д.). Зато государственные банки активно участвовали в приватизации, которая на самом деле была псевдоприватизацией, в поддержке старой структуры производства, и были активными сторонниками вытеснения частных инвестиций (crowding out).

Практически ни в одной из 27 переходных стран региона реформа денежной сферы не была проведена до конца с целью нейтрализации старых структурных и экономических искажений. По крайней мере, такие показатели, как «инфляция», «девальвация», «доля государства в банковском секторе», «доля государства в страховом секторе», «доля кредитов для государственного сектора» убедительно доказывают, что в первые 10 лет реформ правительства игнорировали природу денег и проводили контрциклическую политику, не имея объективной информации о том, в какой стадии цикла находится тот или иной

сектор, не ответив на вопрос, можно ли в принципе говорить о бизнес циклах в рыночном смысле этого понятия в постсоциалистической экономике.

Если бы полисимейкеры переходных стран сделали правильные выводы из австрийской теории денег и кредита, они бы предприняли следующие меры:

- 1) поскольку деньги – это, прежде всего, товар, то создание высокой конкуренции на данном товарном рынке было бы приоритетом первого этапа реформ. Значит, была бы легализована мультивалютность, разрешено банкам эмиссию собственных банкнот по четко определенным правилам, осуществлен переход национальной валюты на золотой стандарт или проведена долларизация экономики. Помимо этого были бы сняты все ограничения на перемещение денег и финансовых ресурсов.
- 2) Чтобы деньги, т.е. товар, стоил дешево, был качественным и доступным для максимально широкого круга пользователей, необходимо было отменить ценовые ограничения и дерегулировать процентные ставки, обеспечив доступ государству и государственным предприятиям к финансовым ресурсам на тех же условиях, что и частному сектору.
- 3) Был бы реализован принцип free banking, при котором банки должны были бы иметь 100-процентное резервирование выпускаемых обязательств (не только в отношении банкнот, но и депозитов до востребования), что автоматически сняло бы вопрос гарантий сохранности вкладов.
- 4) Приватизация банковской системы прошла бы в первые 2 – 3 года системных преобразований.

- 5) Банки не стали бы при помощи правительства и отвлечения собственных средств спасать (bail out) государственные промышленные предприятия, субсидировать сельское хозяйство и участвовать в обширных программах госзакупок. Иными словами, они бы превратились в мощные локомотивы рыночных реформ, а не стали бы ее институциональными тормозами, получившими безусловную выгоду от первого этапа либерализации и рыночных преобразований;
- 6) Усилия правительства и парламента были бы направлены на создание эффективной, независимой судебной системы, на профессионализацию силовых структур и адаптацию их к реалиям рыночной экономики.

В результате реализации этих мер переходные страны получили бы стабильные денежные и финансовые системы, действующие в жестких рамках бюджетных ограничений правительства и реальный сектор, не искаженное информационное поля для формирования рациональных ожиданий. Страны уверенно шли бы по пути устойчивого развития, максимально полно нейтрализовав угрозы рецессий.

Чрезмерный градуализм на рынке денег

Анализ парадигм перехода постсоциалистических стран от плана к рынку, текущее состояние экономик и характер взаимоотношений между государством и бизнесом позволяет сделать вывод, что они практически обречены на периодические рецессии и даже системные кризисы, в активном моделировании которых участвовали не только местные политики и экономисты, но и советники международных организаций. Отметим

любопытную закономерность. Чем больше в переломный период в правительствах стран было так называемых «не экономистов», тем качественней был стартовый этап реформ. Здесь надо отметить Эстонию, Польшу и отчасти Россию. Очевидно, что речь идет об экономистах, которые обладали теоретическими и практическими знаниями, выходящими за курс политэкономии социализма и «критики буржуазных теорий». Однако программы реформ даже в тех странах, которые неудачно назвали сторонниками шоковой терапии, даже близко не были радикальными. Это было следствием не только теоретических ошибок в определении причин провала социалистической экономики, но также в отсутствии политической воли и консолидации позиций законодательной и исполнительной властей. Либерализация цен была частичной. Стабилизационные меры предполагали всего лишь нейтрализацию гиперинфляции и ее постепенное снижение. Практически никто не запрещал дефицит бюджета. Налоговые системы, как под копирку списанные с европейской, предполагали налоговую нагрузку 40 – 50% ВВП и активную доминирующую роль государства на рынке денег. Кстати, опять же страны, которые дальше других отошли от модельных рекомендаций ЕС (Литва, Эстония), провели более успешные реформы на старте. Реформу банковского сектора оставили на потом, мотивируя это решение необходимостью поддержки реального сектора, а также создания условий для выравнивания шансов национального капитала в конкурентной борьбе с иностранным. Так в программах так называемых шоковых реформ не было ни слова о приватизации пенсионной системы, создания конкуренции и приватизации телекоммуникационного, энергетического, транспортного секторов. Даже самые смелые прорывные политики не говорили о

необходимости приватизации системы образования и здравоохранения. Крайне непопулярным была политика полной либерализации внешней торговли и переход на нулевую импортную таможенную пошлину по всем товарным группам.

Особенно консервативным и даже ортодоксальным был подход к денежному и финансовым рынкам. Действительно радикальные меры и решения, которые были в состоянии максимально быстро нейтрализовать негативные последствия централизованной плановой экономики, были за рамками рассматриваемых законодателями и правительствами альтернатив. Сильнейшие структурные искажения, не совместимость количества напечатанных еще в советскую эпоху «условных единиц» с количеством товаров, отсутствие объективных информационных индикаторов в виде свободных цен на все факторы производства, включая деньги, требовали радикальных, адекватных сложившейся ситуации решений. Такими решениями в денежной сфере и на финансовых рынках могли бы быть 1) законодательное разрешение конкуренции валют, 2) долларизация экономики, 3) разрешение частным банкам печатать свои деньги, 4) переход на золотой стандарт, 5) снятие ограничений по капитальному счету на первой стадии реформ, 6) снятие ограничений на участие иностранного капитала в банковской системе, а также в иных финансовых учреждениях (страховом рынке, рынке пенсионных средств и т.д.), 7) переход на международные стандарты бухгалтерской и налоговой отчетности, 8) активное развитие национального фондового рынка и его интеграция в аналогичные региональные структуры. Комплексное принятие вышеуказанных мер (их части) привело бы к резкому снижению издержек переходного периода как для государства, так и для бизнесов и граждан.

Отметим, что такие опции реформ существовали теоретически, но ввиду разных причин, в том числе не знания сути самих явлений – это относится, к примеру, к золотому стандарту – дисижнмейкеры большинство из них не рассматривали.

Продолжение социалистических практик с деньгами на фоне постепенного допуска рыночных отношений на рынке товаров и услуг

Понимание того, что одежда, продовольствие или автомобили – это товары, пришло к полисимейкерам в переходных экономиках достаточно быстро. Они охотно соглашались с тем, что конкуренция приводит к снижению цены, повышению качества, расширению ассортимента и, следовательно, к большему удовлетворению потребителя. Даже из учебников «Экономикс» было понятно, что наличие свободного входа на рынок и выхода из него, эффективного механизма банкротства – это необходимые условия для очищения рынка от ошибочных инвестиционных решений и предотвращения продолжительных рецессий и депрессии. Государство, вводя ограничения на вход на рынок, является единственным источником монополий со всеми негативными последствиями.

Когда же речь заходит о деньгах, то отношение как политиков, так и подавляющего большинства экономистов в переходных экономиках, да и в странах ЕС и даже США, резко меняется. Здесь монополия государства почему-то видится, как общественное благо. Монетарная политика, проводимая центральным банком, считается единственной опцией. Запреты на использование иностранных валют, не говоря уже о предоставлении частным финансовым институтам выпускать свои деньги, воспринимается, как

естественный, «цивилизованный» способ отстаивания национальных интересов и даже важный элемент экономической безопасности, что бы эти абстрактные понятия не значили.

Динамичное развитие финансовых рынков переходных стран тесно связано с отношением правительства к деньгам, как к платежному средству, с местом и ролью центрального банка в проведении монетарной политики и осуществлении контроля за финансовыми институтами. В начале 90-х переходные страны упустили возможность создания стабильной денежной системы, основанной на рыночных принципах. Деньги рассматривались, как инструмент смягчения последствий перехода от плана к рынку для государственного сектора экономики. Правительства и центральные банки управляли рисками так, что явной дискриминации подвергались физические лица, которые, в свою очередь, вынуждены были искать убежище от государственной монополии на рынке денег и финансов в твердой валюте и в иностранных банках за рубежом. Долларизация или, в случае многих стран Центральной и Восточной Европы, переход на немецкую марку был рациональным ответом людей от интервенционистской политики государства. Высокая инфляция в странах ЦВЕ и СНГ сохранялась более десяти лет. В сложившейся системе поддержки госсектора при помощи фискальных и административных мер она стала эффективным способом перераспределения ресурсов в пользу новых заемщиков, получающих кредиты в национальной валюте. Новые частные финансовые учреждения и предприятия реального сектора при отсутствии эффективного института банкротства и защиты прав собственности кредиторов вынуждены были либо становиться так называемыми политическими предпринимателями (участвовать в государственных

инвестиционных программах, госзаказе и т.д.) либо соглашаться на снижение своей доли на рынке и увеличении инвестиционных рисков.

Практически все страны предпринимали активные контрциклические меры, по сути дела, вслепую, не имея информации о том, что, собственно, они регулируют. Их использование при отсутствии естественной структуры производства и занятости (той, которая складывается в результате добровольных взаимодействий индивидуумов на основе их временных и ценностных предпочтений) привело к торможению процесса системных трансформаций и увеличило их издержки для людей и бизнесов. Примерами такой активности являются предоставление банкам бесплатных или дотируемых бюджетом кредитов для поддержки так называемых «точек роста» (предприятий или секторов, которые правительственные чиновники и политики считали «стратегическими, «фамильным серебром» с точки зрения занятости, объемов производства и поступлений в бюджет).

Очередной распространенной формой искажения рынка, а также системы мотивации государственных менеджеров и банкиров, было спасение государственных банков путем увеличения доли государства в их уставном капитале (де факто национализация). Такие меры использовались не только в странах бывшего Советского Союза, но и в Польше, Чехии. Словенская банковская система до сих пор прочно ограждена от конкуренции со стороны иностранных финансовых учреждений. Свидетельством интервенционистской политики государства, которое пыталось моделировать рыночное равновесие, является доля государства в банковском капитале, в страховом секторе и на других сегментах финансового рынка. Правительства переходных стран под флагом снижения рисков вкладчиков, создания надежной страховой системы и

обеспечения благополучной старости в большинстве своем заблокировали рыночные механизмы саморегулирования частного бизнеса. Выбор финансовых инструментов, форм страхования, тем более пенсионного инвестирования был резко ограничен во имя обеспечения стабильного развития экономики. Это еще одна форма использования ресурсов населения и бизнесов для поддержания интервенционистской политики государства, которое компенсирует свои убытки за счет других.

Практика государственного интервенционизма в переходных странах ЦВЕ и СНГ

Обширный государственный интервенционизм, в том числе в монетарной сфере, был присущ практически всем странам Центральной и Восточной Европы. В течение первых 7 – 10 лет реформ ни одна из 27 переходных стран не создала эффективный, конкурентный финансовый сектор. В банковской сфере продолжали доминировать государственные банки, которые были подвержены административному давлению со стороны правительства и которые использовались для реализации контрциклических мер (таблица 1). В Словении, одном из лидеров первого этапа системных трансформаций, до сих сохраняется доминация национальных, в высокой степени зависимых от властей банков, не говоря уже о страховом и пенсионном сегментах финансового рынка. В этой стране во второй половине 1990-х заметно снижены темпы приватизации, хотя финансовая дисциплина государства, одним из показателей которой является дефицит бюджета, в этой стране гораздо лучше, чем в Польше, Чехии или Венгрии.

Монетарная политика в рамках монетаристской или кейнсианской парадигмы была использована для контрциклических мер. Стабилизация цен и выход на рыночную ставку процента был очень медленным. Польше и Венгрии понадобилось почти 10 лет, чтобы снизить инфляцию до уровня меньше 10 процентов, Словении – 5 лет, Эстонии – 7 лет, Литве – 6 лет (таблица 2). С 1991 года среднегодовая инфляция в России еще никогда не опускалась ниже 10%. Безусловным лидером по инфляции является Беларусь, которая с 1991 года ни разу не имела инфляцию меньше 25% в год. Эти факты свидетельствуют о том, что ни какой «шоковой терапии», радикальных реформ в подавляющем большинстве стран ЦВЕ и СНГ не было. На самом деле, имело место использование стандартного инструментария монетарной политики стран ЕС и США. В институционально слабых переходных странах, при чрезвычайно мягкой фискальной политике и многочисленных попытках спасти старую структуру производства и стимулировать экономического роста, при не защищенном институте частной собственности и дискриминации частного сектора данная политика лишь консервировала кризисные явления и запрограммировала периодически возникающие кризисы.

После 14 лет реформ в регионе мы имеем все основания констатировать, что в большинстве постсоциалистических стран построены стандартные государства всеобщего благосостояния (welfare states) с доминирующей ролью государства, которое остается основным экономическим субъектом и собственником в стране. Динамика государственных расходов в переходных странах наглядно демонстрирует этот тезис (таблица 4). Страны, которые в мае 2004 года станут членами Европейского Союза, имеют приближенную к европейской долю госрасходов, размер и структур налогов по отношению к

ВВП. Произошел процесс гармонизации институтов ЕС и институционально слабых, структурно не реформированных стран. Основная проблема как раз заключается в том, что именно эти институты являются сильным кризисогенным тормозом устойчивого экономического развития и долгосрочного экономического роста. За исключением Казахстана ни одна страна региона не имеет долю расходов к ВВП меньше 30%. Практически все переходные страны имеют высокую безработицу, серьезные проблемы с государственной пенсионной системой, нестабильные страховые и фондовые рынки. Правительства Германии, Франции, Италии и других стран Евросоюза пытаются исправить структурные искажения, которые образовались у них в результате сильного государственно интервенционизма, в том числе в денежной сфере. У них пока нет решения нарастающей угрозы кризиса пенсионной системы. Поэтому воспроизведенная в относительно бедных странах модель welfare state неизбежно будет генерировать рецессии и секторальные или системные кризисы. Правительства новых членов ЕС надеются на существенную финансовую помощь из Брюсселя, полагая, что структурные реформы будут проходить за счет европейских налогоплательщиков. Когда объем таких требований достигнет критической величины, то с учетом серьезных проблем внутри главных стран ЕС (Германия, Франция, Италия, в меньшей степени - Великобритания) Европа неизбежно войдет в период рецессии. Корректировка инвестиционных ошибок и реформа чрезмерно централизованной системы принятия экономических решений может вызвать целый ряд социальных и политических проблем.

Анализ динамики расходов и доходов консолидированного бюджета (таблица 3) в переходных странах демонстрирует наличие серьезных проблем в

фискальной сфере. Сбалансированный бюджет является для многих стран трудно достижимой целью. Так Венгрия только в самом начале реформ, в 1991 году имела дефицит бюджета меньше 3% ВВП. За прошедшие 14 лет она дважды переживала кризис государственных финансов. Выполнение монетарных критериев для вступления в зону евро потребует значительного пересмотра фискальной политики, что неизменно скажется на экономическом росте и динамизме венгерской экономики. Дефицит бюджета в Польше по итогам 2003 (прогноз ЕБРР) в размере почти 7% ВВП – это показатель не реформированного государства, которое потребляет 44,1% ВВП. Дефицит бюджета в Чехии в размере 8,3% вообще можно расценить, как кризисный. За все годы реформ только Чехия только однажды, в 1993 году имела профицит бюджета. Жизнь в долг, в кредит, особенно если главным кредитором является государство – это не лучшая стратегия для обеспечения устойчивого долгосрочного экономического роста.

Во многих переходных странах наблюдается рост внешнего долга (таблица 5). Как следствие, государство вынуждено будет сохранять высокую долю интервенционизма, чтобы иметь ресурсы для его обслуживания. С 1995 по 2002 год Латвия более чем удвоила свой внешний долг. Казахстан увеличил его в 2,5 раза, Литва – в два раза, Эстония – более чем в 4 раза. В этой стране доля госрасходов сохраняется на уровне 38,3%, так что на данном этапе называть Эстонию чемпионом свободного рынка явно нельзя. Свободнорыночный порыв бывшего правительства наткнулся на жестокую реальность европейского интервенционизма. В результате была избрана модель ЕС, гармонизация в которой резко сокращает возможности ресурсно- и институционально слабых стран.

Приведем несколько типичных примеров из истории системных трансформаций, которые подтверждают тезис о не оправданно высоком государственном интервенционизме даже в переходных странах, которых часто причисляют сторонникам свободного рынка. Так польское правительство спасало Банк Госпорядки Жывносцевэй (Agricultural Bank) и целый ряд других государственных финансовых учреждений. Бюджетные ресурсы направлялись в Гданьскую судоверфь, тракторный завод «Урсус», обширную угольную отрасль и сотни других государственных предприятий⁸. Только после прихода к управлению Национальным банком известного польского реформатора Л. Бальцеровича инфляция в Польше опустилась до уровня ниже 3% в год. Это случилось почти десять лет после начала реформ. В 2004 году Польша вступила с серьезными проблемами в государственных финансах, растущим внешним долгом и необходимостью продолжать системные структурные реформы.

Несмотря на ранний старт, Венгрия уже к середине 1990-х столкнулась с необходимостью принятия пакета антикризисных мер. Государственный Agrobank также был источником нерыночной поддержки сельского хозяйства. Образованная в 1992 году государственная холдинговая компания (SHC) была призвана контролировать госпредприятия, которые не подлежали полной или частичной приватизации. В эту структуру вошли 163 организации с общими активами 1,5 млрд. USD. Все остальные госпредприятия были непосредственно подчинены Агентству государственной собственности (State Property Agency - SPA). Вместо создания равных условий для предприятий частного и государственного секторов SHC делала акцент на получение холдинговой компанией льготных кредитов и иной формы госпомощи. Приватизация

⁸ Magazine "Wprost" 1999 – Wrzesien № 35

крупных венгерских предприятий “Икарус”, “Дунафер” и “Раба” началась лишь в 1997 году.⁹

В 1992 году правительство совершило большую практическую ошибку, следуя советам кейнсианских теоретиков, считающих, что экономические “точки роста” можно определить административным способами. Были выделены 14 приоритетных предприятий (83000 рабочих мест), объем продаж которых составлял 3 млрд. USD (25% экспорта страны). Финансовая помощь состояла в списании долгов (700 млн. долларов), льготном режиме импорта и уплаты налогов (списание задолженности таможене на 330 млн. USD), расчет с банками за долги данных предприятий (500 млн. USD), направление прибыли от приватизации на реструктуризацию предприятий (510 млн. USD). Общий объем помощи превысил 2 млрд. USD. Через пять лет после начала эксперимента только 4 из 14 компаний работали с постоянной прибылью. 3 компании были проданы иностранным инвесторам (бюджетные деньги, по сути дела, стали дотацией иностранным инвесторов)¹⁰. Остальные компании просто обанкротились. Таким образом, контрциклическая деятельность венгерских властей оказалась крайне неэффективной.

Словенское правительство также значительно замедлило реструктуризацию банковского и финансового секторов. Правительство регулярно предоставляло госгарантии на предоставление банковских кредитов, использовалось низкопроцентное кредитование предприятий госсектора, приоритетное выделение лицензий, квот, применение различных обменных курсов при приобретении иностранной валюты, освобождение или льготный статус при налогообложении.

⁹ Business Central Europe – 1999 June

¹⁰ Business Central Europe – 1999 February

Данные страны считаются лидерами системных трансформаций. Сторонниками так называемой «шоковой терапии». Другие страны, которые выбрали политику «мягкой посадки», разве только за исключением стран Балтии, проводили гораздо более интервенционистскую политику, далекую от норм и стандартов свободного рынка. Индекс экономической свободы¹¹, индекс восприятия коррупции (ИВК) от Transparency International¹², индекс доверия кредиторов и конкурентоспособности¹³ – все эти индексы показывают, что переходные страны региона во многих аспектах не сумели провести реформы адекватные стоящим вызовам и имеющимся в наличии ресурсам и инструментам. Венгрия и Словения, лидеры системных трансформаций в начале 1990-х, по индексу экономической свободы находятся соответственно на 41 и 51 местах. Страны СНГ имеют показатели, которые значительно отстают от показателей страны ЦВЕ, в том числе оценки по качеству денежной политики, банковского сектора и финансового регулирования.

Коррупция и развитие серой экономики являются предсказуемыми результатами сохранения значительного присутствия государства во всех сферах экономической деятельности. Так по ИВК в 2003 г. лучшая из транзитивных стран Эстония находится на 33 месте (таблица 7). Польша, к примеру, занимает далекое 65 место, Чехия – 56. Объем серой экономики в переходных странах по-прежнему значительно выше аналогичного показателя в западных странах. В Украине, Беларуси и России около половины экономики находится в серой сфере (таблица 6). Экономические субъекты саботируют законы и нормативные акты, которые резко сокращают степень экономической свободы. Риск работы в серой сфере, проведение нелегальных с точки зрения

¹¹ www.cato.org

¹² www.ti.org

¹³ www.wef.org World Economic Forum

формального права валютных операций является эффективным способом снижения издержек работы в бюрократической среде и формой создания интенсивной конкурентной среды. Поскольку переходные экономики характеризуются слабым и неэффективным государством (непрофессиональные и зависимые суды, неэффективная милиция, закрытый режим работы спецслужб и т.д.), то политизация денег и финансовых рынков наряду с высокими налогами и высокими административными барьерами входа на рынок и выхода из него, неизбежно приводит к криминализации экономических отношений и блокировке притока легальных инвестиций. Это, в свою очередь, искажает информационное поле, в котором экономические субъекты принимают решения. В результате доля инвестиционных ошибок возрастает, структурные дисбалансы увеличиваются, угроза периодических рецессий вынуждает полисимейкеров принимать дополнительные интервенционистские меры.

Свободный рынок на рынке денег и финансов – лучший предохранитель от будущих системных кризисов

Банковские и финансовые кризисы являются следствием ошибочных решений как на уровне менеджмента, так и на уровне правительства. От них никто не застрахован, особенно в переходных странах. Поэтому полисимейкерам важно знать, какая модель развития денежного и финансового рынков, какая форма регулирования и определения правил игры является наиболее эффективной а) для устойчивого развития, б) раннего предупреждения о аккумуляции кризисных явлений и в) для быстрого и наименее дорогого выхода из наступившего кризиса.

Поскольку основные валюты мира также давно отошли от своих корней (их правительства давно отказались от золотого стандарта), то неустойчивость национальных финансовых систем усугубляется монетарной политикой США и ЕС. В такой ситуации правительства должны создавать условия для интенсивной конкуренции на внутреннем рынке как денег, так и финансовых институтов и инструментов. На них целесообразно распространить общеизвестную народную мудрость «не клади все яйца в одну корзину».

Кризисы не возникают ниоткуда и не исчезают в никуда. Они являются логичным, неотвратимым следствием взаимодействия определенной комбинации факторов. Результат данного взаимодействия сам по себе не является ни плохим, ни хорошим. Негативную коннотацию слову «кризис» дают те люди, которые неправильно оценили (переоценили, недооценили) последствия данной комбинации факторов или те, которые вынуждены платить по счетам неудачного (нереалистичного) плана. Ошибки в оценках могут быть вызваны сотнями разным причин, начиная от полного незнания определенной информации (радикальное невежество), до переоценки собственных сил или возможностей влияния разных институтов. Исходя из этого, мы можем сказать, что кризис – это непреднамеренное последствие продолжительного взаимодействия частично контролируемых или вообще не контролируемых факторов и явлений, которые приводят к ситуации, когда продолжение управления существующими факторами для реализации поставленных целей и задач дисижнмейкерами становится невозможным.

Для правительств переходных стран состояние мирового финансового и форексного рынка, основные процентные ставки в странах ЕС и США, стоимость кредита на этих рынках, стандарты банковской и бухгалтерской

отчетности, порядок оценки активов и проведения аудита являются экзогенными факторами. Поэтому наличие гибкой системы реагирования на изменение этих факторов является необходимым условием успешного развития переходных стран. Самым ригидным и инерционным институтом является государство и финансовые учреждения государственной собственности. Поэтому построение современной экономической системы надо начинать с полной приватизации банков и финансовых институтов, с ухода государства со страхового и пенсионного рынков, не говоря уже о рынке ценных бумаг. Именно частные лица, оперативно реагирующие на изменение интенсивности и характера временных предпочтений. Поскольку искусственное удешевление кредита является причиной возникновения бизнес циклов, то без ухода государства из этой сферы страны всегда будут сталкиваться с периодически возникающими рецессиями и кризисами.

Задачу полной приватизации банковской системы выполнили далеко не все из 27 переходных стран региона. Центральные банки и правительства по-прежнему владеют крупными пакетами (часто контрольными) банков. На фондовых биржах котируются акции многих предприятий, которые контролируются правительством. Телекоммуникация, энергетика, водоснабжение, транспорт, теплоэнергетика и тяжелая промышленность, не говоря уже о доминирующей роли государства на рынке земли – это сектора, где после 14 лет реформ сохраняется доминирующая роль государства, которое часто легализует дискриминационные практики по отношению к частным конкурентам. Их полная приватизация составляет важную часть системных реформ, направленных на обеспечение долгосрочного экономического роста.

На законодательном уровне важно легализовать эмиссию банками банкнот, а также беспрепятственное использование различных валют на территории национальных государств. Функция государства на данном этапе заключается в четком определении правил игры. Чтобы национальные валюты сохраняли привлекательность в качестве платежного средства, оптимальным был бы переход на классический золотой стандарт. Если бы Россия, как большая экономика региона решилась на такой шаг, она могла бы создать реальную конкурентную твердую валюту, которая бы заметно потеснила как американский доллар, так и евро. Такой путь возможен и без золотого стандарта, но занимает гораздо больше времени и требует большей консолидации политических институтов и экономических ресурсов. Интеграция региональных финансовых рынков получила бы сильный толчок, а российский внутренний рынок - мощный стимул и жесткий дисциплинирующий фактор для выхода на естественную структуру производства.

Для оценки состояния банковских и финансовых учреждений необходимо развитие конкурентного рынка профессионального аудита, оценки, консалтинга. Причем доступ на национальные рынки иностранных компаний должен быть недискриминационным. Ассоциации кредиторов, финансистов, оценщиков и других операторов и профессионалов денежных и финансовых рынков должны стать важными элементами рыночного саморегулирования. Эти частные институты гораздо эффективнее в обработке информации и адаптации проводимой политики к изменению экзогенных факторов.

Государственные чиновники часто настаивают на своем монопольном праве управлять финансовыми рисками, ссылаясь на свой профессионализм и нацеленность на работу во имя «народного блага». Опыт переходных стран

демонстрирует, что в системе государственного управления работают далеко не самые лучшие специалисты. И даже если они нацелены на то, чтобы «служить обществу» (как правило, за этой фразой скрывается мотивация перераспределения чужих денег на свои потребности и нужды других людей), но все равно остается нерешенной проблема информированности чиновника, его ответственности за ошибки. От того, что в правительствах будут работать высокоморальные граждане с дипломами от Гарварда или MIT будущее не станет более предсказуемым, и концепцию радикального невежества никто не отменит. Гораздо стабильнее система, когда эту же работу выполняют миллионы частных инвесторов, которые рискуют своим капиталом.

Именно конкурирующие между собой частные компании гораздо быстрее и оперативнее корректируют экономические дисбалансы. При помощи изменения правил предоставления ресурсов происходит изменение характера потребления, производства, сбережения или инвестирования целого ряда экономических субъектов. Наиболее проницательные и профессионально подготовленные участники финансового рынка будут выполнять роль шумпетеровских творческих разрушителей гипотетического состояния равновесия. Это и будет искомое устойчивое развитие и долгосрочный экономический рост.

Есть еще одно важное преимущество рыночного саморегулирования. Как известно, в каждом кризисе есть бенефициары и проигравшие (winners и losers). Характер его протекания, объем издержек, цена выхода зависит от того, кто в данный момент считает себя бенефициаром, а кто проигравшим, какие правила используются для выхода из кризиса. Явное, но концентрированное меньшинство, контролирующее рычаги управления ситуацией, может быть

бенефициаром кризиса, потому что оно обладает инсайдерской информацией. Оно может быстрее нейтрализовать угрозы для своих ресурсов за счет ресурсов других. Именно государство выступает в роли такого инсайдера, который сам совершает инвестиционные ошибки, являясь источником асимметричной информации для частных экономических субъектов.

Правительство через министерство финансов, центральный банк или государственные финансовые организации часто сохраняет свои ресурсы или уменьшает объем убытков за счет частных собственников. Инфляция, девальвация, списание долгов, дотации или льготные кредиты, дефолт – это лишь часть действий, которое может предпринять государство для компенсации своих потерь за счет других и для ухода от ответственности за совершенные ошибки. Частное регулирование делает рецидив финансового кризиса, вызванного ошибками одних и тех же структур, маловероятными.

Чтобы избежать финансового, валютного и банковского кризисов, правительство должно работать не против рынка, а вместе с ним, жестко выполняя его законы. В 1988 году Базельское соглашение (Basel Accord) установило стандарты адекватности капитала, но они быстро утратили свою значимость по причине стремительной глобализации рынков, инноваций и информационных технологий. Многие эксперты считают, что Базельский комитет по банковскому надзору должен ослабить требования по капиталу для низкорисковых банков и повысить для высокорисковых. При динамично развивающихся финансовых рынках пересмотру подлежат также стандарты операционных рисков.

Однако корректировка Базельского соглашения отнюдь не решает все проблемы рынка денег и финансов. Ни МВФ, ни Всемирный банк, ни

Базельские нормы не помогли избежать глубокого финансового кризиса Аргентине, Мексике или Бразилии. Бывший министр финансов Аргентины Рикардо Лопес Мерфи (Ricardo Lopez Murphy) и его коллеги из Latin American Economic Research Foundation¹⁴ считают, что главные причины кризиса в этой стране – это отсутствие контроля над государственными расходами (финансируемые преимущественно номинированными в долларах заимствованиями), отсутствием торговой либерализации и политической стабильности. Ригидность цен заблокировали возможность адаптации к внешним шокам и привела к росту безработицы. Опять же не регуляторные нормы свободного рынка дали сбой, а государство, не справившись с «канализацией» средств в различные проекты, провело страну через тернистый путь от бума к краху.

В такой ситуации предложение МВФ запустить механизм реструктуризации суверенного долга (sovereign debt restructuring mechanism (SDRM)), который предполагает принятие административных мер по выходу из кризиса, не является вполне адекватным инструментом для построения банковских и финансовых систем в переходных странах. Причина, которая вызывает кризисы, которая предоставляет полисимейкерам власть над бизнес циклами, остается не нейтрализованной – фудициарные деньги. До тех пор, пока политики и, в большой мере даже центральные банки, не будут отстранены от управления деньгами, пока не будет запрещен дефицит бюджетов всех уровней, пока не будет обеспечен высокий уровень экономической свободы, до тех пор будут существовать риски секторальных и системных банковских и финансовых кризисов. Они, в свою очередь, неизменно будут провоцировать

¹⁴ www.cato.org

кризисы политические и социальные. При этом введение нормы обязательного страхования депозитов, каким бы привлекательным оно не было в краткосрочной перспективе, не является решением для обеспечения стабильной банковской системы в долгосрочной перспективе и несет серьезные регуляторные издержки и риски. Это убедительно показал Кам Хон Чу (Kam Hon Chu) в своей работе «Страхование депозитов и банковские кризисы в краткосрочном и долгосрочном периоде» (Deposit Insurance and Banking Crisis in the Short and Long Run)¹⁵.

Переходные страны не должны бояться долларизации и евроизации своих экономик. Решения о том, каким платежным средством пользоваться, должны принимать сами экономические субъекты, а не центральное правительство. Использование твердых валют будет способствовать перераспределению рисков между различными экономическими субъектами и нейтрализует инфляционные риски, источником которых является государство. При отсутствии барьеров входа на национальный рынок капитала компании получают доступ к гораздо большему спектру финансовых инструментов. Их использование банками, инвестиционными компаниями и корпорациями позволит ускорить процесс интеграции переходных стран в мировую финансовую систему, а также будет способствовать профессионализации кадров в национальных финансовых учреждениях. Предприятия получают доступ к более выгодным источникам финансирования, причем не под государственные проекты стимулирования экономического роста (читай – под очередной цикл «бум – крах»), а под проекты творческого разрушения, основанного на постоянно динамике вкусов и предпочтений потребителей.

¹⁵ Kam Hon Chu, Deposit Insurance and Banking Crisis in the Short and Long Run www.cato.org

Известно, что ежедневный оборот мирового форексного рынка составляет около \$1,5 трлн. При таком динамизме финансового рынка, огромном обороте рынка ценных бумаг, при интенсивных потоках прямых иностранных инвестиций интервенции центральных банков или административные запреты правительств особенно переходных стран являются бессмысленными и даже вредными уже в среднесрочной перспективе. Международный финансовый рынок и интегрированная в него национальная банковская и финансовая системы являются гораздо более надежным и точным институтом для обработки информации, чем правительства. Именно они наиболее точно определяют направления и интенсивность инвестиционных потоков, потому что эту информацию они берут не из планов на очередную пятилетку, составленных неким политбюро и кучкой всезнающих «социальных инженеров», а из реальной жизни и от реальных, конечных судей их инвестиционных решений – потребителей.

Таким образом, России, Польше, Чехии, Украине, не говоря уже о динозавре плановой экономики региона Беларуси, не надо идти в фарватере mainstream моделей и схем государств всеобщего благосостояния, в том числе в монетарной политике, а строить конкурентные, привлекательные для инвесторов и предпринимателей системы, которые основаны на научной теории и которые были опробованы на практике во многих странах мира задолго до кейнсианской революции. Россия, начав такие реформы, несомненно, превратится в привлекательного регионального интегратора, центр экономической активности и мощный полюс притяжения капиталов, технологий и «мозгов». Причем магнитом в этой ситуации будет не сила оружия коммунистического империализма, а личный интерес и выгода сотен миллионов

граждан со всего мира. Это и есть путь к устойчивому долгосрочному экономическому развитию. Это и есть путь к социально ориентированному будущему для человека труда, для гордого и ответственного собственника.

Таблица 1

Динамика реформ в переходных странах: доля частного сектора в ВВП, число банков, внутренний кредит частному сектору

Страна	Доля частного сектора для ВВП 1994 г.	Доля частного сектора середина 2002 г. % ВВП	Число банков (из них иностранных) 1994	Число банков (из них иностранных) 2002	Кредит частному сектору % ВВП 1994	Внутренний кредит частному сектору 2002 % ВВП
Венгрия	55	80	43 (17)	38 (27)	26,2	34
Польша	55	75	87 (10)	59 (45)	12	15,2
Чехия	65	80	55 (12)	37 (26)	57,8	20
Словения	30	65	44 (6)	22 (6)	22,5	41
Литва	60	75	22 (0)	14 (4)	17,6	14,2
Латвия	40	70	56	19 (12)	16,4	33,4
Эстония	55	80	22 (1)	7 (4)	14,1	29,8
Россия	50	70	2295 (19)	1329 (37)	8,5	17,3
Украина	40	65	228 (1)	152 (16)	4,6	11,9
Казахстан	20	65	184 (8)	44 (15)	26,6	15,1
Беларусь	15	25	48 (нет)	28 (12)	17,6	9,3

Источник: EBRD Transition report 1999, 2003, данные национальных органов статистики, МВФ и Мирового банка

Таблица 2

Инфляция* в отдельных переходных странах 1991 – 2003

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003**
Венгрия	35	23	22,5	18,8	28,2	23,6	18,3	14,3	10	9,8	9,2	4,8	4,7
Польша	70,3	43	35,3	32,2	27,8	19,9	14,9	11,8	7,3	10,1	5,5	1,7	0,5
Чехия	52	11,1	20,8	9,9	9,1	8,8	8,5	10,7	2,1	3,9	4,7	1,8	0,2
Словения	117,7	207,3	32,9	21	13,5	9,9	8,4	7,9	6,1	8,9	8,4	7,5	6,1

Литва	224,7	1020,5	410,4	72,1	39,6	24,6	8,9	5,1	0,8	1	1,3	0,3	-0,8
Латвия	172,2	951,2	109,2	35,9	25	17,6	8,4	4,7	2,4	2,6	2,5	1,9	3,3
Эстония	210,5	1076	89,8	47,7	29	23,1	11,2	8,1	3,3	4	5,8	3,6	1,4
Россия	92,7	1526	875	311,4	197,7	47,8	14,7	27,6	86,1	20,8	21,6	15,7	13,9
Украина	91	1210	4734	891	377	80	15,9	10,6	22,7	28,2	12	0,8	5,1
Казахстан	78,8	1381	1662,3	1892	176,3	39,1	17,4	7,1	8,3	13,2	8,4	5,8	6,1
Беларусь	94,1	970,8	1190,2	2221	709,3	52,7	63,8	73,2	293,8	168,9	61,4	42,6	29

*Изменение среднегодового ИПЦ в %

** Оценка

Источник: EBRD Transition report 2003, данные национальных органов статистики, МВФ и Мирового банка

Таблица 3

Баланс государственного бюджета в отдельных переходных странах

1991 – 2003 % ВВП

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003*
Венгрия	-2,9	-6,1	-6	-7,5	-6,7	-5	-4,8	-4,8	-3,4	-3,4	-4,7	-9,2	-5,5
Польша	-2,1	-4,9	-2,4	-2,2	-3,1	-3,3	-3,1	-3,2	-3,3	-3,5	-5,5	-6,7	-6,9
Чехия	-1,9	-3,1	2,6	-1,2	-1,1	-1,7	-2,7	-2,4	-2,8	-4,4	-5,1	-6,7	-8,3
Словения	2,6	0,3	0,6	-0,2	-0,3	-0,2	-1,7	-1,4	-0,9	-1,3	-1,1	-3,2	-1,5
Литва	2,7	0,5	-5,3	-4,8	-4,4	-4,5	-1,8	-5,8	-8,5	-2,8	-2	-1,2	-1,5
Латвия	Н.д.	-0,8	0,6	-4,4	-4	-1,8	0,3	-0,8	-3,9	-3,2	-2	-2,7	-2
Эстония	Н.д.	5,2	-0,3	1,3	-1,3	-1,5	2,2	-0,3	-4,3	-0,7	0,7	1,2	-0,5
Россия	Н.д.	-18,9	-7,3	-10,4	-6,6	-9,4	-8,5	-8,2	-3,1	2,7	2,9	1,4	2
Украина	Н.д.	-25,4	-16,2	-8,7	-6,1	-3,2	-5,4	-2,8	-2,4	-1,3	-1,6	0,5	-1
Казахстан	-7,9	-7,3	-4,1	-7,4	-3,4	-5,3	-7	-8	-5,2	-1	-0,9	-0,3	-0,5
Беларусь	Н.д.	-2	-5,5	-3,5	-2,7	-1,6	-0,7	-1	-2	-0,2	-1,9	-1,8	-1,5

* Оценка

Источник: EBRD Transition report 2003 , данные национальных органов статистики, МВФ и Мирового банка

Таблица 4

Общие государственные расходы в отдельных переходных странах

1993, 1996 – 2002 % ВВП

Страна	1993	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Венгрия	54,6	48,8	49,5	50,4	44,8	47,1	51,9	53,5
Польша	50,5	46,4	45,8	42,7	42,8	41,7	43,6	44,1
Чехия	41,9	42,2	41,7	40,9	41,9	43,7	44,2	46,6
Словения	46,7	42,9	43,8	44,4	44,5	42,2	42,6	42,6
Литва	35,1	34,2	33,5	37,6	40,3	33,6	31,7	31,4
Латвия	35,2	39,5	41	43,3	44,1	42	37,2	38,8
Эстония	40,3	40,5	37,6	40,5	43,2	38,5	37	38,4
Россия	44,7	45,3	47,8	42,6	36,7	34,3	34,1	37
Украина	54,5	39,9	44,2	38,4	34,2	34,7	35,1	35,9
Казахстан	25,2	18,6	20,4	26,1	23,2	23,2	23,4	22,3

Беларусь	56,2	42,4	46,2	45,4	47,3	45,9	46,8	42
----------	------	------	------	------	------	------	------	----

Источник: EBRD Transition report 2003, данные национальных органов статистики, МВФ и Мирового банка

Таблица 5

Динамика внешнего долга в переходных странах, в % к ВВП

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Венгрия	70,9	61,9	53,3	58	61,1	65,6	65	55,4
Польша	44,1	35,3	36,6	37,3	42,2	42,4	39,2	43,5
Чехия	33	36,7	40,8	42,7	41,6	42,1	39,1	37,8
Словения	15,8	21,1	22,6	25,1	26,9	32,8	34,4	40
Литва	22,2	30,5	34,3	34,9	42,6	43,7	44,4	45
Латвия	40	41	49	50,9	57,5	65,6	72,6	83
Эстония	17,5	35,2	55,5	56	55,4	58,5	58,8	72,3
Россия	47,3	36,7	44,6	70,4	90,3	61	48,6	44
Украина	21,4	19,8	19,2	26,5	39,5	33,1	26,6	24,6
Казахстан	28,7	27,8	35	45	71,9	69,4	68,2	73,9
Беларусь	14,7	7,2	7	6,7	7,3	6,4	6,2	5,7

Источник: EBRD Transition report 2003, данные национальных органов статистики, МВФ и Мирового банка

Таблица 6

Переходные страны в свете индексов

Страна	ИКОЭР 2003	ИДК 2003	Место по индексу экономической свободы 2004*	Индекс доверия кредиторов	Индекс эффективно сти использова ния ПИИ	Серая экономика % ВВП
Эстония	22	28	6	44	21	18
Латвия	40	29	30	50	51	39,9
Чехия	39	35	32	37	11	19,1
Литва	37	40	23	58	60	30,3
Польша	45	47	56	41	47	27,6
Россия	70	65	114	76	108	46,1
Украина	84	71	117	113	88	52,2
Беларусь*	86	73	145	128	87	48,1

ИКОЭР - индекс конкурентоспособности для обеспечения экономического роста, ИДК - индекс деловой

конкурентоспособности – World Economic Forum

*Heritage Foundation, Wall Street Journal 2004

* Оценка автора, исходя из места Беларуси по другим индексам, качеству деловой среды по докладу Doing Business

2004, индексу коррупции и политических свобод Freedom House

Таблица 7

Индекс восприятия коррупции (ИВК) 2003

Место	Страна	ИВК 2003 (всего 133 страны)	ИВК 2002 (место) (всего 102 страны)	ИВК 2002 (показатель)
1.	Финляндия	9,7	1	9,7
33	Эстония	5,5	29	5,6
40	Венгрия	4,8	33	4,9

41	Литва	4,7	37	4,8
53	Беларусь	4,2	36	4,8
56	Чехия	3,9	52	3,7
58	Латвия	3,8	53	3,7
65	Польша	3,6	49	4
87	Россия	2,7	74	2,7
101	Казахстан	2,4	88	2,3
102	Молдова	2,4	93	2,1
111	Украина	2,3	86	2,4
132	Нигерия	1,4	101	1,6
133	Бангладеш	1,3	102	1,2

Источник: Transparency International 2002, 2003